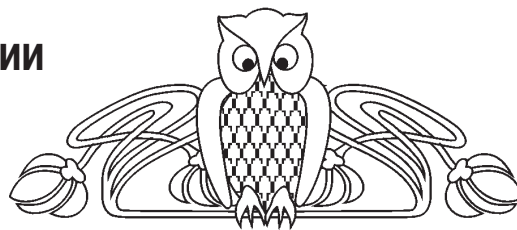

УДК 32.001

ЛИБЕРАЛЫ РОССИИ: К АНАЛИЗУ КОНЦЕПЦИИ РАВНОВЕСИЯ И ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЯ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ И ГОСУДАРСТВОМ

Б. Н. Карипов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: bkarirov@yandex.ru

В статье показано, что в основу модели политических изменений пореформенной России, сформулированной либеральными мыслителями и учеными, был положен концепт правового государства. С помощью правовой государственности либералы надеялись разрешить многочисленные коллизии между личностью и государством. Вместе с тем либеральные мыслители понимали, что теоретический анализ сущностных признаков проблемы взаимоотношений государства и личности недостаточен. Логика исследования требовала перехода к следующему неотъемлемому ее компоненту – поискам соответствующих условий для обеспечения данных взаимоотношений.

Ключевые слова: правовое государство, гражданское общество, личность, право.

Russian Liberals: to Analyze the Concept of Balance and Complementarity Between Civil Society and the State

B. N. Karipov

The article shows that the model is based on the political changes post-reform Russia, formulated by liberal thinkers and scientists, was based on the concept of law. With the help of legal state liberals hoped to resolve the numerous conflicts between the individual and the state. However, liberal thinkers have understood that the theoretical analysis of the essential features of the state and the problem of the relationship of personality is not enough. The logic of the study required a move to the next of its inherent component – the search for appropriate conditions to ensure that these relationships.

Key words: rule of law, civil society, personality, really.

Российские мыслители либеральной ориентации не только заложили философско-теоретический фундамент соответствующей модели политических изменений, но и разработали ряд системообразующих принципов, благодаря которым сама модель обрела целостностную и завершенную форму. Эти принципы можно представить как систему понятий, целевая установка которых сориентирована на ограничение произвола государства, а также на утверждение господства права. Идеальный архетип модели политических изменений, анализируемый в статье, являл собой теоретическое учение о правовом государстве. Содержание его составляли следующие концепты (т. е. принципиально значимые, системообразующие понятия): гражданское общество; правовая связанность государства; верховенство закона; принцип разделения властей; правовая защита личности.

В русской политико-правовой мысли второй половины XIX – начала XX в. сложилось два основных подхода к анализу идеи гражданского общества – политико-правовой и социально-философский. Первый основывался на концепции естественного права. Ее толкование представляли две школы – классического естественного права и «возрожденного» естественного права. Сторонники классицизма рассматривали естественное право как совокупность вечных и неизменных принципов и законов, вытекающих из природы человеческого разума и обязательных для всех времен и народов, предписывающих образцы поведения людей и запрещающих их нежелательные действия. Сущность права, с их точки зрения, состояла в упорядочении и гармонизации отношений между людьми. Каждому разделу права соответствовала определенная сфера общественной жизни и человеческих отношений.

Позитивное право и гражданское право, основанные на принципах естественного права, относились к двум важнейшим сферам правового регулирования – государству и гражданскому обществу. Гражданское право, одна из самых древних форм права, регулировало отношения между людьми как членами гражданского общества. Понятие «гражданское общество» впервые возникло для обозначения сферы приложения гражданского права. Гражданское право зафиксировало существенные признаки и конкретный состав гражданского общества. Поскольку право относится, прежде всего, к сфере внешней свободы людей, то последняя выступает в качестве необходимого атрибута гражданского общества. Таким образом, сторонники классического естественного права рассматривали свободу как смысл существования общества.

Представители «возрожденного» естественного права расходились с мыслителями традиционной школы естественного права как раз в понимании гражданского общества. В частности, для русского правоведа, философа, общественного деятеля П. И. Новгородцева гражданское общество являлось не только идеалом, который выражал свободу и разнообразие частной жизни, но и исторической формой сотрудничества, основанной на совместной деятельности и взаимных интересах людей, формой, утверждающей возможность достойного человеческого существования¹.

В этом позицию П. И. Новгородцева разделяли другие сторонники «новой» школы². Историческое развитие гражданского общества и его институтов сопровождается, с их точки зрения, сменой принципов естественного права.

Крупный русско-еврейский философ, религиозный мыслитель, психолог С. Л. Франк рассматривал гражданское общество в качестве самостоятельного объекта социально-философского анализа. Характеризуя организацию общественной жизни, ученый приходил к принципиальному выводу о ее расчлененности на два взаимосвязанных и противоположных начала (дуальности). С одной стороны, общество образуется под воздействием планомерности, выраженной в принудительной организации осуществления идеи; с другой стороны, оно выражает себя в спонтанности, означающей стихийное, непроизвольное взаимодействие отдельных индивидов и частей общества. Следовательно, общество создается как сознательно – планомерно и организовано, так и складывается стихийно, вырастает «само собой» из реального процесса жизни. Соответственно, «эти два необходимых и относительных начала общественного бытия» – сознательность и стихийность – «получают конкретное выражение в двух формах общественной жизни: в государстве и гражданском обществе»³.

В своей концепции гражданского общества С. Л. Франк пытался преодолеть как методологический индивидуализм, свойственный индивидуалистическим концепциям, так и телеологизм, характерный для социалистических учений. Он определял сущность гражданского общества с позиций своеобразного функционального подхода, рассматривая «индивидуалистический момент в структуре общества, – согласно которому общество должно являться расчлененным на ряд отдельных, не зависимых друг от друга, частных центров активных сил» не как «цель общественной жизни», а исключительно как необходимую функцию единства как «сверхиндивидуальной цели общества»⁴. Существенными чертами гражданского общества являлись, с точки зрения философа, свобода личности и сотрудничество между людьми.

Свободу личности С. Л. Франк понимал не как природное первичное право, вытекающее из естественных состояний общества, но как общественную обязанность, имеющую функциональную ценность. Не субъективное право личности вообще, а интересы служения обществу составляли для него содержание личной свободы и предопределяли ее функциональное назначение. В свою очередь, независимость членов общества, их самостоятельность представляла собой необходимую форму взаимной связи, общественного единства. Индивиды связывались между собой посредством свободного соглашения частных волей. Гражданское общество как сфера реализации личной свободы являлась одновременно системой

свободного взаимодействия и соглашения частных волей. Соответственно, свобода личности предполагала столь же свободное взаимодействие между членами гражданского общества. Многие в этом взаимодействии зависело от отношений между гражданами и властью.

Большинство либеральных российских мыслителей являлись сторонниками концепции равновесия и взаимодополнения в отношениях между гражданским обществом и государством, что позволяло сдерживать произвол последнего. По мнению русского правоведа, философа, историка, публициста Б. Н. Чичерина, общество как единое целое проявляло себя в деятельности общественных союзов. Государству как одному из этих союзов принадлежала верховная власть в обществе. Однако государственными формами не исчерпывалось все многообразие общественной жизни; «в пределах единства» всегда имелось необходимое «место для отдельных лиц и для частных союзов; и те, и другие требуют свободы и самостоятельности»⁵. Нарушение же такой самостоятельности со стороны государства и его органов вело к деспотизму. Следовательно, именно свобода являлась необходимым условием сосуществования гражданского общества и государства. Она предполагала одновременное развитие той и другой институциональных парадигм в принадлежащих им сферах деятельности.

Государству, выступающему в качестве субъекта законодательной деятельности, не следовало злоупотреблять своим исключительным положением. Напротив, устанавливая нормы и принимая законы, оно было обязано руководствоваться началами, лежащими в основе частных союзов и институтов гражданского общества. Государству принадлежала охранительная функция, назначение которой состояло в закреплении и защите гражданско-правовых институтов, в том числе институтов частной собственности, семьи, наследственности, обязательств и т. д. Б. Н. Чичерин являлся одним из первых русских мыслителей, искавших обоснование принципа органичности отношений государства и гражданского общества, суть которого сводилась к примирению «начала свободы с началом власти и закона»⁶. Такое понимание роли государства позволило исследователям общественно-политических, теоретических взглядов Б. Н. Чичерина впоследствии утверждать, что именно этому мыслителю, идеологу принадлежала определяющая роль в создании концепции так называемого «охранительного», консервативного, либерализма⁷.

Таким образом, потребности личности удовлетворялись как в государстве, так и в гражданском обществе. Последнее, с традиционной для либералов точки зрения, представляло собой союз, репрезентирующий «интересы всей совокупности граждан не только в области защиты внешней и внутренней, составляющей по преимуществу функцию государства, но и в области взаимного

пользования услугами граждан». Государство, продуцируя и охраняя права отдельных граждан, делало «это не на основании отвлеченных построений, выводимых из разума», но принимало «во внимание потребности и уровень культуры всей совокупности граждан»⁸. Иными словами, в гражданском общественном союзе закреплялся и утверждался социально-политический и правовой статус личности. Тем самым государству навязывались и важные для его эффективного функционирования ограничительные стандарты. К внутренним механизмам ограничения государственного произвола российские либеральные мыслители относили связанность государства правом – конституцией как средством формального ограничения пределов деятельности государства; установленными в конституции и других законах формами деятельности государственной власти; пределами, устанавливаемыми явлениями социально-психологической жизни; ограничениями, налагаемыми правовыми свободами.

Представитель «классической школы» государственстведения известный русский профессор права, публицист А. Д. Градовский видел предел государственной власти в конституции и считал, что именно конституцией должна ограничиваться государственная власть⁹. По его мнению, основным и общим признаком конституционной формы являлось «самоограничение» государственной власти, в силу чего эта власть не могла быть абсолютной, в чьих бы руках она ни находилась: в руках народа или монарха с народным представительством. Юридическим выражением такого самоограничения А. Д. Градовский считал основные законы, или конституции. В них, по мнению правоведа, содержались те необходимые юридические и политические положения, в пределах которых должны были действовать все государственные власти, в том числе и законодательная. Сама законодательная власть связывалась и ограничивалась конституцией. Законы, исходящие от нее, должны были быть конституционными; в противном случае они не могли иметь обязательной силы. Конституция являлась законом, поставленным над всеми факторами государственной власти, которые должны были соотноситься с высшим законом собственные действия в области законодательства, суда и управления.

Русский историк, писатель, правовед, политический деятель С. А. Котляревский уделял особое внимание исследованию *правового самоограничения* государственной власти на основании установленных в конституции и других законах форм деятельности. Термин «самоограничение» рассматривался им в двух вариантах. Во-первых, как самоограничение в пределах абсолютизма. С этой точки зрения власть самодержца, будучи источником любой другой власти в государстве, не могла не иметь пределов; эти пределы и являлись ее «самоограничением». Во-вторых, «самоограни-

чение» связывалось с переходом к конституционному строю: подобное ограничение не могло быть отменено односторонним актом монарха, что само по себе являлось юридическим ограничением его воли. Второй вид самоограничения получил отражение в основных законах от 23 апреля 1906 г., с введением в действие которых Россия, по мнению С. А. Котляревского, естественным образом превратилась в конституционное государство¹⁰.

Коренную предпосылку осуществления правового государства либеральный историк и правовед усматривал в принципе *относительной независимости права и государства друг от друга*. По его убеждению, правовое ограничение включало в себя нечто большее, чем простое упорядочение проявленной власти. Предпосылки подобного самоограничения, условия возникновения двусторонних норм обнаруживались в переходе к общим для всех подвластных нормам, в требовании одинакового повиновения от этих подвластных, хотя еще не наделенных какими-либо публичными правами. В этом уже заключалось признание со стороны власти известного принципа равенства, которым она должна была руководствоваться.

Многие российские мыслители и ученые связывали пределы государственной власти с явлениями социально-психологической жизни людей. Так, российский, украинский ученый-юрист и теоретик права Н. И. Палиенко, исходя из того, что государственная власть в основе своей есть явление коллективно-психологического характера, пришел к выводу, что в качестве мотивации поведения подвластных исключительно подавляющей принудительной силы, находящейся в распоряжении властителя, недостаточно. Согласно его взглядам, нормы в целом и законы в частности представляют собой не что иное, как «внешнеимперативные нормы». Поэтому их обязательность для государства должна была обуславливаться тем психологическим фактором, который в огромной мере сам обуславливал силу государства и его власть, – признанием со стороны подвластной моральной авторитетности, пользы, рациональной необходимости подчинения таким нормам¹¹. Таким образом, воля подвластных оказывалась не менее важной, чем воля властвующих. Именно первая из двух волей должна служить базисом для объяснения отношения права к государству.

Используя результаты психологического анализа права, Н. И. Палиенко дал формально-юридическое объяснение связанности государства правом. Властитель мог быть связан устанавливаемыми им нормами не только потому, что обязательность этих норм основывалась на его собственном убеждении и желании. Главной причиной являлось то обстоятельство, что в этой социальной массе, властителем которой он являлся, созревало сознание и признание обязательности и для него норм, декларируемых им самим. Тогда эти нормы отрешались в сознании подвластных от

воли властителя, объективировались и противопоставлялись властителю как связывающее его внешнее определение деятельности, независимо от его произвола, субъективных убеждений и воли. Таким образом, нравственные ограничители принимали форму юридических, формальных. В подданных государства и их нормативных убеждениях заключалось не нравственное, свободное самоопределение властителя, но правовое, внешнеимперативное его определение¹².

В либеральный дискурс следует вписать еще одну оригинальную позицию в объяснении правовой связанности государства – требование *ограничения государства правами гражданской свободы*. Так, русский ученый-юрист, философ права Н. М. Коркунов считал, что в отношении индивида и политической власти личность противопоставляет власти свои интересы, отстаивая и оберегая их, что приводит к созданию юридических норм, разграничивающих интересы власти и отдельных личностей. Государственная власть в своих проявлениях оказывается ограниченной правами гражданской свободы, среди которых он выделял следующие: индивидуальную свободу, свободу слова, свободу общения и религиозную свободу¹³.

Объяснение Н. М. Коркуновым правовой связанности государства было обусловлено его оригинальным пониманием государственной власти. Мету и границу власти он видел в степени сознания зависимости. В отличие от авторитетного во второй половине XIX в. немецкого правоведа Р. Иеринга, считавшего, что «для полного установления порядка необходимо содействие обеих сторон: той, которая руководит им, и той, которая соблюдает его»¹⁴, Н. М. Коркунов в теории, названной им теорией «субъективного реализма», абсолютизировал активность подвластного субъекта. Он видел объяснение явлений властвования исключительно в субъективном сознании зависимости. Смешивая власть государства с фактической зависимостью людей друг от друга, Н. М. Коркунов утверждал, что государственная власть является силой, обусловленной осознанием зависимости от государства. Исходя из подобного понимания государства и государственной власти, он приходил к выводу о том, что одним из оснований, побуждающих власть подчиняться началам права, является чувство законности, лояльности, которое может развиваться в гражданах только при условии, что власть в своей деятельности будет являть собой пример строгого уважения к праву.

Русские политические мыслители и ученые второй половины XIX – начала XX в. внесли значительный вклад в разработку идеи гражданского общества. В работах крупнейших представителей либерального направления впервые было сформулировано требование гражданских прав и свобод, их автономного существования по отношению к обществу и государству. Сфера гражданской жизни людей выделялась в качестве

предмета изучения, наряду с государством и его институтами. Российские ученые предложили рассматривать понятие «гражданское общество» в двух значениях: широком и узком. В широком смысле оно характеризовало конкретно-историческое состояние общества, в узком – выражало существенную сторону или сферу общественной жизни. Правоведение рассматривало гражданское общество как субъект гражданского права и как сферу правового регулирования, а зарождающаяся политическая наука – как целостный феномен социальной жизни в отношении к ее политическим структурам, и прежде всего к государству.

Таким образом, в основу модели политических изменений пореформенной России, сформулированной либеральными мыслителями и учеными, был положен концепт правового государства. С помощью правовой ответственности либералы надеялись разрешить многочисленные коллизии между личностью и государством. Вместе с тем либеральные мыслители понимали, что теоретический анализ сущностных признаков проблемы взаимоотношений государства и личности недостаточен. Логика исследования требовала перехода к следующему неотъемлемому ее компоненту – поискам соответствующих условий для обеспечения данных взаимоотношений.

Примечания

- 1 См.: *Новгородцев П. И.* Право на достойное человеческое существование // Новгородцев П. И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 322.
- 2 См.: *Гессен В. М.* Возрождение естественного права. СПб.: Типография Санкт-Петербургского Общества Е. Евдокимова, 1902. С. 42; *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 328–330.
- 3 *Франк С. Л.* Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 36.
- 4 Там же. С. 142.
- 5 *Чичерин Б. Н.* Собственность и государство: в 2 ч. Ч. 1. М.: Типо-литография Товарищества «И. Н. Кушнерев и К^о», 1882. С. 214.
- 6 *Чичерин Б. Н.* Различные виды либерализма // *Общественные науки и современность*. 1993. № 3. С. 122.
- 7 См.: *Китаев В. А.* Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2004; *Голиков А. К.* Личность и государство в русской социально-философской и политической мысли (XIX–начало XX века): дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2006. 392 с.
- 8 *Нечаев В. М.* Гражданское право и гражданское правоведение // Введение в изучение социальных наук: сб. ст. / под ред. Н. И. Кареева. СПб., 1903. С. 186.
- 9 См.: *Градовский А. Д.* Государственное право важнейших европейских держав. Ч. 2 // А. Д. Градовский. Собр. соч. в 9 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1889–1908. Т. 5. 1902. С. 3, 4.

¹⁰ См.: Котляревский С. А. Юридические предпосылки русских основных законов. М. : Изд-во : Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. С. 193.

¹¹ См.: Палиенко Н. И. Учение о существе права и правовой связанности государства. Харьков : Типо-литография «М. Зильберберг и сыновья», 1908. С. 339.

¹² Там же. С. 338–342.

¹³ См.: Коркунов Н. М. Русское государственное право. 3-е изд., перераб. : в 2 т. Т. 1. : Введение и общая часть. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. С. 419–423.

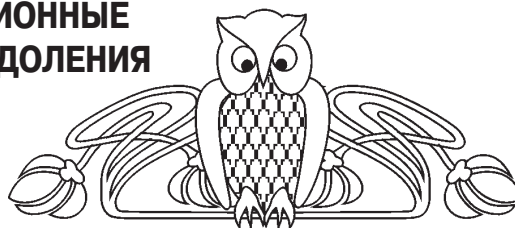
¹⁴ Иеринг Р. Цель в праве : в 2 т. ; пер. с нем. Т. 1. СПб. : Изд-во Н. В. Муравьева, 1881. С. 253.

УДК 321.01

КРИЗИС АВГУСТА 1998 ГОДА: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВАРИАНТЫ ОБЪЯСНЕНИЯ И МОДЕЛИ ПРЕОДОЛЕНИЯ (в официальном дискурсе Б. Н. Ельцина)

М. В. Горбачев

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: ktp@sgar.ru

В рамках статьи осуществлен анализ официального дискурса Б. Н. Ельцина относительно социально-экономического кризиса 1998 года. В статье систематизируются причины кризиса, последствия кризиса и модели его преодоления. Выявляются цивилизационные факторы, которые оказывают существенное влияние на государство и общество в условиях системного кризиса политических институтов.

Ключевые слова: цивилизационные факторы, цивилизационный дискурс, экономический кризис, политическая динамика, антикризисная политика, политические вызовы и угрозы.

Crisis of August 1998: Civilizational Variants of Explanations and Models Overcoming (in the Official Discourse of B. N. Yeltsin)

M. V. Gorbachev

In article the analysis of the official discourse B. N. Yeltsin on socio-economic crisis of 1998. The article systematizes the causes of the crisis, the consequences of the crisis and the model of its overcoming. Identifies civilization factors that have a significant impact on the state and society in the conditions of a systemic crisis of political institutions.

Key words: civilization factors, civilization discourse, economic crisis, political dynamics, the anti-crisis policy, political challenges and threats.

Социально-экономический кризис, разразившийся в России в августе 1998 г., называется экспертами одним из самых тяжелых в новейшей истории страны¹. Отечественные и зарубежные экономисты, политологи, социологи и другие ученые указывают на разные причины его возникновения. Одни аналитики считают, что главными причинами кризиса стали «огромный государственный долг России, кризис ликвидности, низкие мировые цены на сырье, составлявшее основу экспорта России»². Другие специалисты указывают «на негативные эффекты строительства финансовой пирамиды ГКО (государственные краткосрочные облигации), закономерно рухнувшей на определенном этапе своего развития»³.

Третьи полагают, что главное основание кризиса заложили неэффективные действия российского правительства, «которое не сумело консолидировать усилия по обеспечению устойчивости национальной валюты в фиксированном коридоре»⁴.

Помимо обозначенных, существуют иные позиции по поводу предпосылок финансового кризиса 1998 г. Ряд из них можно обнаружить в институциональных кризисных дискурсах представителей политической власти конца 90-х гг. XX в. В частности, экс-президент РФ Б. Н. Ельцин характеризовался достаточно интенсивным кризисным дискурсом. Он был представлен как на страницах официальной прессы («Российская газета»), так и в ряде его автобиографий и воспоминаний⁵. Цель статьи проанализировать специфику институционального кризисного дискурса президента РФ Б. Н. Ельцина за период 1997–2000 гг. Исследование данной проблемы тесно связано с выявлением типологических моделей выхода из кризисного состояния.

Социально-экономический кризис августа 1998 г. стал просматриваться в дискурсивном пространстве официальной власти начиная с осени 1997 г. До обозначенного периода времени глава государства в своих публичных выступлениях достаточно позитивно оценивал перспективы как российской экономики, так и финансовой политики ключевых правительственных министров. Например, правительство В. С. Черномырдина в ряде институциональных дискурсов называется как «правительство смелых проектов, благих пожеланий, хороших намерений»⁶. К данному дискурсивному тренду Б. Н. Ельцин осуществит возврат в августе 1998 г. В этот период в СМИ активно обсуждалась кандидатура нового премьер-министра, который сменил С. В. Кириенко на должности руководителя правительства.

Это нашло отражение в таких высказываниях, как «в 97-м году в экономике, наконец, наметилась тенденция к росту. Пусть первая, неустойчивая, но это была победа. Чубайсовская команда очень